

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_129

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Николай Викторович Корнилов¹

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых¹
Владимир, Россия

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, тел.: 8(4922)479-987,
e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru

Аннотация. Проблема сущности предложения продолжает обсуждаться в современной отечественной синтаксической науке. Очевидно, что определённый свет на её рассмотрение и решение проливают некоторые идеи русских педагогов XIX в. Именно с этой целью автор публикации обращается к научному наследию В.И. Классовского, А.А. Дмитриевского и В.П. Сланского, которое, к сожалению, продолжает оставаться полузабытым. Эти филологи, критикуя логическое направление в грамматике в лице Ф.И. Буслаева и во многом основываясь на идеях А.А. Потебни, пытались показать, что между логическим суждением и грамматическим предложением нет абсолютного тождества. При этом они понимали, что основные категории логики и единицы языка взаимосвязаны. Кроме того, в учебной литературе второй половины XIX в. прослеживается тенденция к определению сущности предложения с учётом его грамматической природы. Новизна исследования определяется его предметом, специально ориентированным на изучение научного наследия русских педагогов XIX в., идеи которых оказали значительное влияние на развитие собственно лингвистических теорий сущности русского предложения.

Ключевые слова: синтаксис, логическое направление в грамматике, логическое суждение, предложение, подлежащее, сказуемое.

Для цитирования: Корнилов Н.В. Проблема сущности предложения в русской учебной литературе второй половины XIX в. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 3. С. 129–133. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_129

Введение

Вопрос о сущности предложения, его синтаксическом членении продолжает оставаться дискуссионным и не получившим решения в современной лингвистике. Он обсуждался в отечественной грамматической науке несколько столетий, так что можно найти достаточное количество научной литературы, изучение которой позволит сформировать определённое представление об этой проблеме, имеющей в XXI в. не только теоретическое, но и практическое значение.

Историки русского языкознания, рассматривая этот вопрос, обычно ссылаются на классические труды Ф.И. Буслаева (1818–1897), А.А. Потебни (1835–1891), А.А. Шахматова (1864–1920), А.М. Пешковского (1878–1933) и В.В. Виноградова (1894/1895–1969). Однако не меньший интерес представляют работы педагогов, имена которых остались

полузабытыми. К их числу можно отнести П.М. Перевлесского (1815–1866), В.И. Классовского (1815–1877), А.А. Дмитриевского и В.П. Сланского (1840–1914), которые, опираясь на личные наблюдения и преподавательский опыт, зачастую выдвигали довольно оригинальные идеи, сумев во многом опередить своё время. Взгляды этих филологов оказали влияние на некоторые современные грамматические теории.

В первой половине XIX в. в отечественной синтаксической науке господствовало логико-грамматическое направление, родоначальником которого принято считать немецкого языковеда К.Ф. Беккера (1775–1849), предложившего концепцию, согласно которой простое предложение отождествлялось с логическим суждением, построенным по формуле: S + P (формальная логика Аристотеля). Такой подход нашёл отражение в работах Н.И. Греча (1787–1867), И.И. Давыдова (1794–1863), П.М. Перевлесского,

Ф.И. Буслаева и других «логицистов». Они полагали, что грамматическое предложение – суждение, выраженное словами того или иного языка [3, с. 258; 5, с. 235; 6, с. 271; 9, с. 31].

В.И. Классовский, А.А. Дмитриевский и В.П. Сланский, вклад которых в развитие русской грамматической мысли, к сожалению, до сих пор не оценен по достоинству, выступили с критикой логической теории, приводя аргументы в пользу того, что грамматическое предложение, хотя и связано с логическим суждением, но вовсе не тождественно с ним. В этом смысле они стали последователями А.А. Потебни, выступившего в труде «Из записок по русской грамматике» (1874) против смешения логики и грамматики, которое, по его мнению, допустил Ф.И. Буслаев в работе «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858), впоследствии публиковавшейся под названием «Историческая грамматика русского языка».

А.А. Потебня полагал, что «грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением», поскольку «предложение может вовсе не заключать в себе логического суждения» [10, с. 80–81]. Эту идею находим ещё у Аристотеля, для которого вопросительные и восклицательные предложения не являлись суждениями [1, с. 61–62]. Кроме того, формальная логика не может объяснить второстепенные члены предложения и глагольные связки [10, с. 81]. К тому же наука о мышлении не знает «народных различий», «не может постичь» индивидуальных особенностей языков. Вот почему А.А. Потебня был убеждён, что «грамматических категорий несравненно больше, чем логических» [10, с. 81].

В настоящей статье автор обращается к лингвистическому наследию названных педагогов, рассматривая такие вопросы, как соотношение логики и грамматики, а также сущность предложения.

Результаты

В учебной и педагогической литературе второй половины XIX в. логическая теория предложения Ф.И. Буслаева неоднократно подвергалась критике. Авторы статей и монографий указывали на её внутренние противоречия. Определяя предложение как «суждение, выраженное словами», Ф.И. Буслаев признавал его двухчастную структуру, в которой подлежащее соответствовало субъекту логического суждения, а сказуемое – предикату [3, с. 258]. При этом языковед отмечал, что «вся сила суждения» заключена в сказуемом, без которого не может быть предложения. Свою точку зрения Ф.И. Буслаев пытался обосновать, указывая на существование в русском языке безличных глаголов типа *хочется*, *нельзя*, *нездоровится*, которые не предполагают «явно обозначенного» подлежащего [3, с. 258].

Эти рассуждения Ф.И. Буслаева указывают на противоречие, возникшее в его «логической» теории предложения. На него обратили внимание А.А. Потебня и А.А. Дмитриевский (см. [7, с. 11; 10, с. 84]). Сам Ф.И. Буслаев пытался разрешить это противоречие, выделяя «явное» («Бог всемогущ») и «неявно обозначенное» подлежащее, которое заключается в личном окончании глагола («Светает») [3, с. 272–

273]. А.А. Дмитриевский в работе «Практические заметки о русском синтаксисе», впервые опубликованной в журнале «Филологические записки» за 1877–1878 гг., справедливо отметил, что если следовать подобной логике, то в предложении «Земля движется» нужно выделить три главных члена – подлежащее явное (Земля), подлежащее неявное (движется) и сказуемое (движется), что «не соответствует здравому смыслу» [7, с. 18]. Кроме того, высказывание типа «Нельзя» не является предложением, поскольку здесь подлежащее «не выражается ни личным окончанием, ни особою частью речи» [7, с. 18]. Однако Ф.И. Буслаев всё же считает такие высказывания предложениями [3, с. 258].

Итак, теория предложения Ф.И. Буслаева, по мысли А.А. Дмитриевского, противоречива, поскольку, с одной стороны, «если предложение – суждение, выраженное словами, следовательно, безличное предложение (когда оно выражено одним словом) не есть предложение, так как оно выражено не словами и не составляет суждения, ибо суждение тогда только суждение, когда оно имеет явно обозначенное подлежащее или когда в безличном предложении выражается по крайней мере двумя словами» [7, с. 11]. С другой стороны, «если мы допустим, что, конечно, и должно, что безличный глагол *светает*, *морозит*, *хочется* (курсив наш. – Н. К.) есть предложение, то и предложение никак не есть непременно суждение и не непременно в предложении две части» [7, с. 11].

Кроме того, А.А. Дмитриевский отмечал, что предложение может выражать не только логическое суждение («Человек смертен»), но и впечатление («Больно!»), понятие («Диковина!», «Разбой!»), представление («Нездоровится») и умозаключение («Грамматика полезна, потому что она наука») [7, с. 13].

С критикой синтаксической системы Ф.И. Буслаева выступил и В.П. Сланский, подготовивший работу «Грамматика – как она есть и как должна бы быть» (1887). В ней он, осознавая взаимосвязь логических и грамматических категорий, отмечал, что между ними существует и принципиальная разница, поэтому их смешение недопустимо. Какие же доводы приводит В.П. Сланский?

Во-первых, языковые категории могут иметь элемент метафоризма, который носит «видимые следы чисто мифических воззрений и, по существу, чуждый и враждебный натуре и назначению логических процессов, задачей которых служит лишь возможно более верное и точное отражение в нашем сознании реальной действительности» [11, с. 82]. Так, в предложении «Земля притягивает к себе предметы» выражена метафора. И далее: «Земля притягивает – как будто земля имеет руки или другие органы, которыми бы могла схватывать и притягивать к себе предметы. Земля притягивает – скорее это годилось бы для выражения какого-либо мифического представления о земле, было бы к лицу какой-нибудь там Гее или нашей русской матушке – сырой земле, в том виде, как она представлялась воображению нашего языческого предка» [11, с. 83].

Во-вторых, В.П. Сланский считал, что в предложении могут выражаться не только мысли, но и факты, события. По его мнению, «факты – это всё

то, что делается достоянием нашего сознания чрез простое, непосредственное наблюдение или восприятие, а мысли суть продукты уже рассудочной, анализирующей и обобщающей деятельности», «то, до чего мы *додумываемся*, доходим путём рассудочной деятельности» [11, с. 7–8]. Так, в высказывании «Слабая подготовка не позволяет мне сдать благополучно экзамен по словесности» выражается мысль, а в предложениях «На дворе холодно и сыро»; «У меня постоянно болит голова»; «Квартира, в которой я живу, тесна и сыра»; «Человек, которого я близко знал, внезапно умер»; «Сократ был сын простого горшечника», как отмечал В.П. Сланский, выражаются факты и события [11, с. 7–8].

В-третьих, В.П. Сланский полагал, что несколько предложений могут выразить всего лишь одно логическое суждение. В качестве примера приводится пословица «Гром не грянет – мужик не перекрестится», в которой две мысли не выражаются («гром не грянет» и «мужик не перекрестится»). Это бессоюзное сложное предложение выражает следующее: «религиозность ... мужика, обращение его к Богу зависят от чисто внешних, возбуждающих страх впечатлений» [11, с. 10]. Иначе говоря, в предложении «Гром не грянет – мужик не перекрестится» «два грамматических предложения образуют одно логическое, две грамматических мысли служат к выражению одной логической» [11, с. 110]. В.П. Сланский сравнивает приведённую пословицу с предложением «Бедность мужика зависит от его невежества», поскольку в обоих случаях выражается всего лишь одна логическая мысль [11, с. 10].

В-четвёртых, подлежащее и сказуемое в предложении не всегда совпадают с субъектом и предикатом логического суждения. Например, в предложении «Праздная жизнь порождает скуку» «грамматическая мысль, выражаемая уже словами *жизнь порождает*, передаёт требующуюся мысль логическую не сама по себе, а в соединении с словесными элементами *праздная и скуку*» [11, с. 108]. Иначе говоря, «слова *жизнь порождает* будут составлять предложение грамматическое, но не будут ещё составлять предложения логического» [11, с. 109].

Справедливости ради стоит отметить, что мысль о несовпадении субъекта и предиката логического суждения с подлежащим и сказуемым грамматического предложения не является оригинальной. Её можно встретить у языковедов XVIII в. В «Российской грамматике» (1783–1788) А.А. Барсова (1730–1791) читаем: «Грамматическое подлежащее ... иногда в одном и том же самом предложении не сходствует с логическими». К примеру, в предложении «Мнози суть звани» «логическое подлежащее есть звани, а грамматическое – мнози» [2, с. 156]. Кроме того, в трудах Н.И. Греча, И.И. Давыдова, В.И. Классовского и Ф.И. Буслаева находим подобную идею, проиллюстрированную соответствующими примерами (см. [3, с. 276–277; 5, с. 237–238; 6, с. 274–275; 8, с. 239]).

Кроме того, грамматически правильно построенное предложение может не выражать логического суждения. В.И. Классовский в «Русской грамматике» (1856) сравнивает следующие предложения: «Птицы летают на собственных крыльях» и «Люди летают на

собственных крыльях». В первом содержится истина, а во втором – ложь, хотя «и та и другая фраза, в отношении грамматическом одинаково правильны, т.е. обе суть предложения» [8, с. 238]. Другими словами, «истину суждения, выражаемого предложением, проверяют здравый смысл, опыт, наука и т.д., но в отношении грамматическом предложение обязано удовлетворять только правилам синтаксиса, т.е. состоять из слов, надлежащим образом оканчивающихся и размещённых как следует» [8, с. 238].

В.С. Храковский, комментируя этот фрагмент из работы В.И. Классовского, отмечал, что педагог «как будто бы впервые в русском языкознании XIX в.» предлагает следовать не логической, а грамматической точке зрения на предложение [14, с. 134–135].

А.А. Дмитриевский и В.П. Сланский, критикуя определение предложения Ф.И. Буслаева, пытались определить собственные дефиниции этой центральной единицы синтаксической системы. Автор «Практических заметок о русском синтаксисе», понимая, что каждое логическое суждение выражается грамматическим предложением, которое, в свою очередь, не всегда представляет собой суждение, дал следующее определение: «Такое слово или такое сочетание слов, которое выражает (предлагает) мысль, называется предложением» [7, с. 15]. По его мнению, оно восходит к «Русской грамматике» А.Х. Востокова: «Речь есть соединение слов, выражающее мысли вообще... Но когда речь ограничивается выражением *одной мысли*, тогда она называется *предложением*» [4, с. 222]. А.А. Дмитриевский полагал, что это определение предложения «чисто грамматическое», «так как в нём на первом плане выступает речь» [7, с. 16]; оно «только страдает общностью и не показывает, что речь выражает мысль двояко: или словом, или сочетанием слов» [7, с. 16].

Кроме того, А.А. Дмитриевский предложил образную (динамическую) характеристику предложения, сравнивая его с драмой, в которой дополнения – это актёры, а обстоятельства – сама сцена, на которой «совершается драма мысли, выражаемой предложением» [7, с. 77–78]. Примечательно, что в XX в. эту мысль повторил в своей работе «Основы структурного синтаксиса» (1959) Л. Теньер (1893–1954) [13, с. 117]. В.С. Храковский заметил, что французский лингвист прекрасно владел русским языком, приезжал в СССР и лично знал многих советских языковедов, в частности, Л.В. Щербу (1880–1944), который, возможно, и «мог обратить его внимание на статью А.А. Дмитриевского» [14, с. 116].

В.П. Сланский, отказываясь считать грамматическое предложение мыслью, выраженной словами, соглашается с дефиницией, которую привёл А.А. Дмитриевский. В то же время он понимал, что, утверждая, что слова выражают мысль, мы вызываем представление о мысли как о чём-то присущем самим словам и оставляем место для предположения, что выражаемое словами может действительной мысли и не составлять [11, с. 109]. Однако и это определение для В.П. Сланского несовершенно, так как предложение, как уже было отмечено ранее, может выражать не только мысли, но и факты, события.

В статье «Две экскурсии в область русской грамматики» (1876) В.П. Сланский отмечал, что предложение «есть та простейше конкретная форма речи, которая, сама сохраняя ещё цельный характер последней, не разлагается уже ни на какие другие удерживающие такой же характер части» [12, с. 126]. Другими словами, предложение придаёт тексту («речи») такое качество, как цельность. Эта грамматическая единица не может разделяться на части, которые обладали бы таким же свойством. В книге «Грамматика – как она есть и как должна бы быть» (1887) В.П. Сланский пишет: «Предложение есть простейшая конкретная форма речи – клеточка своего рода (разрядка наша – Н.К.), из которой развиваются, а стало быть, и могут быть выяснены и все другие элементы и формы последней» [11, с. 3]. Иначе говоря, предложение выполняет текстообразующую функцию.

Выводы

Яркие страницы истории отечественной синтаксической науки XIX в. составили труды Н.И. Греча,

А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни. Однако свой вклад сумели внести и педагоги (В.И. Классовский, А.А. Дмитриевский, В.П. Сланский), чье научное наследие до сих пор изучено недостаточно. Некоторые из них продолжили дело, начатое А.А. Потебней, выступившим с критикой синтаксической системы Ф.И. Буслаева. В учебной литературе второй половины XIX в. находим интересные мысли и рассуждения о соотношении логических и грамматических категорий, а также попытки дать определение предложению, желая избежать одностороннего взгляда логицистов и одновременно стремясь учесть языковые особенности этой грамматической единицы.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденаберг. М.-Л. : ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ, 1936. 342 с.
2. Барсов А.А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М. : Издательство Московского университета, 1981. 776 с.
3. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 623 с.
4. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная. СПб. : Типография И. Глазунова, 1831. 408 с.
5. Греч Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб. : Типография Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, 1827. 579 с.
6. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1852. 462 с.
7. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе : монография. 2-е изд. М. : Типография Н.В. Любенкова, 1882. 91 с.
8. Классовский В.И. Русская грамматика. СПб. : Типография Э. Веймара, 1856. [6], VIII, 388. X с.
9. Перевлеский П.М. Начертание русского синтаксиса, изданное Петром Перевлеским. 2-е изд., попр. и доп. М. : Университетская типография, 1848. [2], II, IV–V, 207 с.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I: Введение. Воронеж : Типография Н.Д. Гольдштейна, 1874. 157 с.
11. Сланский В.П. Грамматика – как она есть и как должна бы быть. Пять научных бесед, предложенных в Санкт-Петербургском педагогическом музее. СПб., 1887. 144 с.
12. Сланский В.П. Две экскурсии в область русской грамматики. Экскурсия первая // Семья и школа. СПб., 1876. Кн. 2, ч. I. № 2. С. 124–151.
13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс, 1988. 656 с.
14. Храковский В.С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л. : Наука, 1985. С. 124–180.

References

1. Freidenberg, O.M. (ed.) *Antichnye teorii yazyka i stilya* (1936) Pod obshchei redaktsiei [Ancient theories of language and style]. Moscow-Leningrad, OGIz – SOTsEKGIZ publ. 342 p. (In Russian)
2. Barsov, A.A. (1981) *Rossiiskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova* [The Russian Grammar of Anton Alekseevich Barsov]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 776 p. (In Russian)
3. Buslaev, F.I. (1959) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz publ. 623 p. (In Russian)
4. Vostokov, A.Kh. (1831) *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe sokrashchennoi grammatiki polnee izlozhennaya* [The Russian grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his own abbreviated grammar, is more fully stated]. St. Petersburg, Tipografiya I. Glazunova publ. 408 p. (In Russian)
5. Grech, N.I. (1827) *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem* [Practical Russian Grammar, published by Nikolai Grech]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo vospitatel'nogo doma. 579 p. (In Russian)
6. Davydov, I.I. (1852) *Opyt obshchesravnitel'noi grammatiki russkogo yazyka, izdannyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* [The experience of the general comparative grammar of the Russian language,

published by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 462 p. (In Russian)

7. Dmitrevskii, A.A. (1882) *Prakticheskie zametki o russkom sintaksise* [Practical Notes on Russian Syntax]. Moscow, Tipografiya N.V. Lyubenkova. 91 p. (In Russian)

8. Klassovskii, V.I. (1856) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. St. Petersburg, Tipografiya E. Veimara. [6], VIII, 388, X p. (In Russian)

9. Perevlesskii, P.M. (1848) *Nachertanie russkogo sintaksisa, izdannoe Petrom Perevlesskim* [Inscription of Russian syntax, published by Peter Perevlessky]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. [2], II, IV–V. 207 p. (In Russian)

10. Potebnya, A.A. (1874) *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From notes on Russian grammar]. T. I: Vvedenie. Voronezh, Tipografiya N.D. Gol'dshteina. 157 p. (In Russian)

11. Slanskii, V.P. (1887) *Grammatika – kak ona est' i kak dolzhna byt'. Pyat' nauchnykh besed, predlozhennykh v Sankt-Peterburgskom pedagogicheskom muzee* [Grammar – as it is and as it should be. Five scientific talks offered at the St. Petersburg Pedagogical Museum]. St. Petersburg. 144 p. (In Russian)

12. Slanskii, V.P. (1876) *Dve ekskursii v oblast' russkoi grammatiki. Ekskursiya pervaya. Kniga 2. Chast' I. № 2* [Two excursions to the field of Russian grammar. Excursion one]. Sem'ya i shkola. St. Petersburg. Book 2, part I. No. 2, pp. 124–151. (In Russian)

13. Ten'er, L. (1988) *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of structural syntax]. Moscow, Progress publ. 656 p. (In Russian)

14. Khrakovskii, V.S. (1985) *Kontsepsiya chlenov predlozheniya v russkom yazykoznanii XIX veka* [The Concept of Sentence Members in Russian Linguistics of the 19th Century]. In: Grammaticheskie kontsepsii v yazykoznanii XIX veka [Grammatical concepts in linguistics of the XIX century]. Leningrad, Nauka publ., pp. 124–180. (In Russian)

Поступила в редакцию 28.07.2023

Подписана в печать 28.09.2023

Original article

UDC 81-112

DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_129

THE PROBLEM OF THE ESSENCE OF THE SENTENCE IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Nikolay V. Kornilov¹

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs¹
Vladimir, Russia*

¹*Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations,
ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, tel.: 8(4922)479-987, e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru*

Abstract. The problem of the essence of the sentence continues to be discussed in modern Russian syntactic science. It is obvious that some ideas of Russian teachers of the XIX century shed some light on its consideration and solution. It is for this purpose that the author of the publication refers to the scientific heritage of V. I. Klassovsky, A. A. Dmitrevsky and V. P. Slansky, which, unfortunately, continues to be half-forgotten. These philologists, criticizing the logical direction in grammar in the person of F. I. Buslaev and largely based on the ideas of A. A. Potebni, tried to show that there is no absolute identity between a logical judgment and a grammatical sentence. At the same time, they understood that the main categories of logic and the unit of language are interrelated. In addition, in the educational literature of the second half of the XIX century. there is a tendency to determine the essence of the sentence, taking into account its grammatical nature. The novelty of the study is determined by its subject, which is specifically focused on the study of the scientific heritage of Russian teachers of the 19th century, whose ideas had a significant impact on the development of proper linguistic theories of the essence of the Russian sentence.

Key words: syntax, logical direction in grammar, logical judgment, sentence, subject, predicate.

Cite as: Kornilov, N.V. (2023) The problem of the essence of the sentence in the Russian educational literature of the second half of the XIX century. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 129–133. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2023_3_129

Received 28.07.2023

Accepted 28.09.2023